

«И кой черт меня дернул согласиться на эту авантюру! — думала Тина в ярости. — Знала же, что ничем хорошим это не кончится! Нужно было настоять там, на развилке, чтобы поворачивал направо. А этому обязательно надо налево. Всегда налево. Вот и заехали черт-те куда!»

Джип здорово трянуло, не иначе, дорога кончилась, и заехали в канаву. Было такое чувство, что все внутренности перемешались, а потом встали не на свое место: сердце теперь там, где должна быть печень, желудок у горла.

Тина рванула ремень безопасности, потому что он ее душил.

— Пристегнись! — крикнул Кирилл. — Так безопаснее.

— Безопаснее? — не выдержала она. — Безопаснее было бы вообще не сворачивать на эту, с позволения сказать, дорогу! А еще безопаснее было бы не тащиться в эту глушь!

— Ну, завела шарманку! — процедил он. — Не ори под руку!

Она сама понимала, что не следует скандалить в машине и ругаться, когда человек за рулем, но уже не могла сдерживаться. Ехали

они долго, таскались по раскисшим дорогам, она устала, хотелось есть, пить, спать, да хотя бы просто в тепло. Чтобы камин горел, музыка играла, и в руках стакан с ароматным глинтвейном.

Размечталась... Никто ей этого не предоставит. По крайней мере сейчас. Тогда хоть покинуть этот осточертевший автомобиль, потому что все тело уже затекло, да не вывалиться на холод и сырость, а найти хоть какую-то крышу над головой. Но нет ничего поблизости, этот ненормальный завез ее в такую глушь! Они даже приблизительно не представляют, где сейчас находятся. Где-то на северо-востоке области. А может, это уже и не Ленинградская область? Что там дальше-то...

— Ну и что ты собираешься теперь делать? — спросила Тина, поскольку не могла молчать, эмоции ее распирали, и она боялась, что они ее разорвут. — Куда рулить? Ты хоть представляешь, где мы? Да нет, конечно, куда вам, современным людям, без навигатора! Тебя же все приборы слушаются, сам хвастался. И что?

Кирилл скрипнул зубами. Навигатор сломался, как только они свернули с автострады. Даже не сломался, а можно сказать, сошел с ума. Просто вместо карты Ленинградской области стал показывать систему координат Лазурного берега. Ну да, Ницца, Канны, Сен-Тропе... и так до Марселя.

Что за черт? Ничего не помогало, на экране была все та же картинка. Пришлось ехать наугад. Первое время еще встречались дорожные

указатели, потом и они пропали. Но Кирилл упрямо ехал вперед, не желая сдаваться, а потом уж и развернуться на этой дороге было нельзя. Так что Тинка где-то права, но он ни за что ей об этом не скажет. Ох уж эти бабы, будет теперь зудеть всю дорогу.

Тина поглядела на него искоса. Господи, ну за что ей все это? Потратить законные выходные на такое, с позволения сказать, приключение. Замечательный вышел уик-энд!

И ведь это еще не конец, им, судя по всему, предстоит ночевка в машине. Ну за каким чертом она согласилась на эту поездку? Нужно было еще утром отговорить Кирилла, когда увидела дождь за окном. Да попробуй отговори, он ведь упрямый, как стадо ослов! Или вообще отказаться... Послать его подальше и продолжать спать. Или послать подальше еще раньше. Правда, это у нее никогда не получается. Какая-то пожизненная каторга.

Хотелось выть, кататься по полу и ругаться неприличными словами. Или выскочить из машины и бежать, бежать куда глаза глядят. И чтобы ее догоняли, хватали за руки и умоляли вернуться. Тут она не сдержалась и фыркнула. Очень смешно. Когда это было, чтобы Кирилл умолял ее вернуться? Да он способен бросить ее на пустой дороге, где до ближайшего жилья сто километров! Ну, может, не сто, а пятьдесят, но ей и этого хватит.

— Над чем ржешь, расскажешь? — пробурчал Кирилл. — Посмеемся вместе! — В голосе его звучали угрожающие нотки.

Тина скрипнула зубами и решила промолчать. Один бог знает, чего ей это стоило, но она видела сбоку, как подрагивает у Кирилла жилка на виске. А это значит, что он на пределе и может взорваться. Нечасто такое у него бывает, но случается. Видела пару раз и запомнила надолго, зрелище не из приятных. И правда может выгнать ее из машины. Далеко-то не уедет, но все равно... Оказаться одной в этой глуши, мягко говоря, нежелательно. Да еще холодно, дождь идет и темнеет быстро.

Тина вздрогнула, как наяву ощутив свою тоску, страх и холодные капли, попадающие за шиворот.

«Зачем, зачем мне все это нужно?» — в который раз задала себе вопрос. И как обычно, не нашла ответа. Потому что его не было. Никто не сумел бы ей объяснить, отчего уже много лет она не может выбросить Кирилла из своей жизни.

Пыталась поначалу, и не раз. Ничего не вышло. Потом смирилась. Ей даже нравились его бесконечные увлечения, импонировало, как он мгновенно загорался, его могло подтолкнуть все что угодно — увиденный постер, случайно услышанный разговор, детский рисунок на стене. И вот уже готово — Кирилл кипит, глаза его блестят, и через десять минут у него в голове готовый план — куда ехать и что делать.

С ним никогда не было скучно, когда его окрыляла какая-нибудь идея, казалось, что кровь его не струится по жилам, как у всех, а несется бурным потоком, словно ручьи весной. Но так же быстро он остывал и забывал свои ми-

молетные увлечения, не жалея ни потраченного времени, ни денег.

Он был вполне приличным программистом, работал в крупной фирме, таких, как он, работодатели очень ценят. По крайней мере так он сам говорил.

Последнее увлечение Кирилла было связано с поездками по старым заброшенным деревням. Он выискивал на чердаках и в сараях старые вещи из деревенского обихода, некоторые из них довольно хорошо сохранились. Кирилл отдавал их скупщику почти даром, он охотился за стариной не ради денег. Говорил, что эти вещи необходимо спасти от порчи и пожара, что они обладают особой, неповторимой аурой, оттого что за долгое время к ним прикасалось такое множество людей.

Тина слушала его мимоходом, невнимательно, поскольку это было уже далеко не первое его увлечение, и она знала, что скоро все пройдет. А пока ездила с ним, выискивая в сараях и на сеновалах прялки, ухваты, ушаты и коромысла. Все было засаленным, затертым сотнями натруженных рук, никакой особенной красоты Тина в этом не находила.

Внезапно мотор джипа негодуяюще взвыл, их снова потрянуло так, что Тина клацнула зубами. Кирилл сбросил скорость, машина продвигалась вперед медленно, как бы опасаясь того, что впереди. Проехали еще немного, и джип встал.

— Что такое? — Кирилл пытался стронуть машину с места, но ничего не помогало.

Мотор заглох окончательно.

— Ну вот, приехали. — Кирилл тихонько выругался.

— Этого следовало ожидать, — сказала Тина, хотя знала, что не нужно ничего говорить. Все равно не поможет, так какой смысл ругаться? Но злые слова так и рвались наружу. — Что, бензин кончился? Заправиться забыл?

— Да черт его знает! Не лезь ты, и без того тошно! — Он выскочил из машины, хлопнул дверцей.

Тина осталась сидеть — неохота было доругиваться. И вообще не хотелось его видеть, надоел за этот день до чертиков со своими ушами и ухватами.

Она посидела минут десять. В машине было душно и скучно, радио не работало. Выйти, что ли, размять ноги, подвигаться? Но кругом были сумерки, быстро превращавшиеся в ночь. Ну да, поздняя осень, ноябрь, темнеет рано. И что теперь делать? Они одни, на много километров вокруг нет никакого жилья. Машина встала, судя по всему, окончательно. И вполне возможно, что тут нет мобильной связи, Тина не удивится, если это так. А если и есть, то кто к ним поедет в такую темень и по бездорожью?

Дверца внезапно распахнулась.

— Тинка! — Кирилл был весел и оживлен. — Там деревня!

— Где? — Она с недоверием высунулась из машины, казалось, что они одни в этом темном и неуютном мире, что нет здесь не только людей, но и вообще никого живого.

— Да вон же, смотри, — дома!

И правда, довольно близко просматривались темные бесформенные силуэты деревенских строений. Дождь перестал. Тина подняла глаза вверх и заметила, как желтая луна вылезает из-за тучи. В ее ярком свете блеснуло стекло в одном из домиков. Неужели там люди?

Она представила себе жарко натопленную печку, накрытый стол... Да хотя бы горячий чайник!

Но деревня была какая-то странная — не пахло дымом, не лаяли собаки, стояла гробовая тишина, и самое главное — ни в одном окошке не теплился огонек.

В душе у Тины шевельнулось нехорошее предчувствие.

— Это ничего, в деревне всегда ложатся рано, — бормотал Кирилл, — и встают тоже рано... Рано ложиться и рано вставать — горя и хвори не будете знать... Ладно, давай скатим машину с дороги, а то вдруг кто-нибудь ночью в нее врежется.

Трудно было представить, что еще кто-то поедет по этой ужасной дороге, да еще ночью, но Тина спорить не стала. Спорить с Кириллом — себе дороже.

Они с трудом докатили джип поближе к домам и, хотя здорово шумели — Кирилл то и дело кричал на Тину, подавая команды, — не скрипнула дверь, никто не вышел посмотреть. И ни одна собака не подала голос, что уж совсем невероятно.

Приходилось признать очевидное: деревня была пуста, чему они в общем-то не очень уди-

вились. В этой части области нередко встречались такие пустые погибающие деревни. Умерли последние старухи, родственники теперь даже летом не приезжают — как жить в доме-развалюхе? И дороги ужасные.

Кирилл запер машину, забрав из нее сумку с продуктами, пледом и еще кое-какими вещами; Тина взяла фонарик, и они пошли к первому дому, окруженному покосившимся забором.

В это время в тучах снова образовалась прореха, и из нее выглянула луна, окатив окрестности неверным призрачным светом. Луна теперь была гораздо выше и больше не походила на бледный апельсин, теперь это был серебристый диск вроде старинной потертой монеты. В ее свете Тина разглядела приземистый дом и палисадник, заросший пожухлым бурьяном и лопухами.

Они осторожно пересекли двор, Кирилл шел впереди, нащупывая дорогу. Впрочем, тропинка от калитки к дому не так заросла, пройти можно. Вот ступени крыльца пострадали больше, Тина едва не провалилась. Разумеется, Кирилл и не подумал подать ей руку — ну еще бы, он весь во власти духа первооткрывательства, как будто в этой развалюхе ждет их какое-нибудь сокровище.

Тина плохо видела в темноте, но не сомневалась, что глаза его горят в предвкушении приключений. А какие тут могут быть приключения? Пустой брошенный дом, сырой и холодный. Что здесь можно найти, кроме много-

летнего мусора? Хоть бы крысы ушли своими ногами, а не сдохли в подполе...

Прежде чем войти, Кирилл постучал в дверь и крикнул:

— Эй, есть кто живой?

Разумеется, никто ему не ответил — только эхо отозвалось дурашливым отзвуком — вой... вой... вой...

Дверь ужасно закричала. Они миновали сени, куда проникал призрачный свет луны — до того разошлись дощатые стены, и вошли непосредственно в дом. В свете фонаря заплясали по стенам причудливые, фантастические тени.

Изба была небольшой — одна комната и кухня с большой дровяной плитой. И на первый взгляд никакого мусора. Мебели, впрочем, тоже почти не было — в углу старый диван с торчащими пружинами, колченогая табуретка, сундук с когда-то красивой резной деревянной крышкой. На ощупь чувствовалось, что крышка насквозь проедена жучком.

— Ты смотри, даже окна целы! — бурно радовался Кирилл. — Но если тебе не нравится, можем пойти в другой дом.

Тина хотела зло рявкнуть, что они не в мотеле и не в гостинице, чтобы выбирать, но сдержалась. Представила, как бродят они по деревне в темноте, и содрогнулась.

— Лучше останемся здесь.

— И верно, от добра добра не ищут...

Она хмыкнула, радуясь, что в полутьме он не видит ее лица. Как только Кирилл увлекся деревянными поисками, в его речи сразу же стали

проскальзывать русские пословицы и поговорки. Смешно...

Кирилл крутился возле плиты.

— Смотри, даже заслонки никто не украл! — удивился он. — Сейчас печку затопим.

— Пожара не будет? — опасливо спросила Тина. — Все-таки печка старая...

— Не знаешь ты, что такое старая печка!

Кирилл бросился в сени и притащил оттуда охапку дров. Тина удивилась — как будто кто-то специально для них положил. А спутник ее уже колот щепу на растопку большим охотничьим ножом, который возил с собой в поездки. Он сунул в печку какие-то бумажки, что валялись в машине, рекламные газеты — и дрова занялись, хотя в комнате сильно запахло дымом.

— Кажется, нужно там что-то открыть... — пробормотала Тина вполголоса, она знала, что он, как всякий мужчина, терпеть не может, когда его поучают.

— Ах да! — Кирилл дернул вьюшку, на пол посыпалась сажа. — Ну, теперь пойдет!

В печке ровно и весело гудел огонь, и хотя теплее в доме не стало, было уже не так сыро.

— Говорил же я, умели раньше делать вещи! — Кирилл радовался как ребенок.

Раньше ее умиляло такое мальчишество, теперь же Тина почувствовала глухое раздражение. Возможно, это от усталости. Кирилл уже порыскал по кухне и нашел чайник.

— Смотри, целый! И не такой уж грязный!

Чайник оказался ужасен — весь закопченный и без крышки. Но паутины в нем не было, как вы-

яснила Тина, с опаской заглянув внутрь. И мышь там не удавилась с тоски и голода. Не слишком чистая посуда, но не ржавая. Кирилл принес из машины полканистры воды. Хватило как раз вымыть чайник и поставить на плиту полный.

Тина расстелила салфетку на колченогой табуретке и выложила еду — пару оставшихся бутербродов, полпачки печенья, яблоко, пакетик сухариков. Негусто, но большую часть они съели днем. Не собирались ведь ночевать здесь, в глуши.

Кирилл подложил еще пару полешек и вернулся из сеней с пустыми руками — дрова кончились. Но чайник все же успел вскипеть. Они поели и наполнили термос.

От дивана пахло чем-то неприятным.

— По-моему, там мыши.

— Не болтай ерунды, — фыркнул Кирилл, заворачиваясь в плед, — они давно ушли в более сытное место.

Тина думала, что не сможет заснуть, но она так устала, что стоило ей закрыть глаза, как провалилась в сон — темный и душный, будто деревенский сеновал.

И так же внезапно, как заснула, проснулась — от какого-то странного подозрительного звука. Изба была полна густым, призрачным лунным светом. Он плескался в доме, как тусклая серебряная вода, вливался не только через маленькие оконца, но и через приоткрытую дверь.

Тина отчетливо помнила, что вечером Кирилл плотно закрыл эту дверь, накинул щеколду, да